

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ КОСМОДЕМЬЯНСКИЙ родился 27 июля 1925 года в селе Осиновые Гаи, Тамбовской области, в семье учителя. По национальности — русский. В начале Великой Отечественной войны сестра Александра Зоя ушла на фронт. Когда всю страну облетела весть о бессмертном подвиге партизанки Зои Космодемьянской, Александр вместе с группой школьных товарищей добился зачисления в 1-е Ульяновское Краснознамённое танковое училище имени В.И. Ленина. По окончании учёбы ему присвоили звание лейтенанта и назначили в гвардейскую часть, действующую на Западном фронте.

Ратные подвиги Александра были отмечены орденами Отечественной войны I и II степени. 13 апреля 1945 года в боях под Кенигсбергом Александр Космодемьянский погиб смертью храбрых. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года ему присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. Приказом Министра обороны СССР гвардии старший лейтенант А. А. Космодемьянский навечно зачислен в списки 1-й роты Н-ского танкового полка.

Ежегодно 13 апреля, в пору, когда природа пробуждается от зимней спячки, когда воздух напоен ароматом весны, к одной из могил на Новодевичьем кладбище Москвы приходят десятки людей. У скромного гранитного памятника, который венчает пятиконечная звезда, встретишь ветерана войны и пионера, юношу, обдумывающего жизнь, и поседевшую женщину. Безмолвно кладут они к подножию могилы букетики подснежников, пушистые ветки мимозы. Надпись на памятнике гласит: «Герой Советского Союза Александр Анатольевич Космодемьянский, родился 27 июля 1925 г., погиб под Кенигсбергом 13 апреля 1945 г.»

Каждый год в этот день прихожу на кладбище и я. И каждый раз мысль упрямо не желает смириться с тем, что Саши уже нет.

В моем небольшом журналистском блокноте записаны рассказы Саши о боях, о товарищах, родных, близких. Десятки раз перечитываю скупые строки, вспоминаю беседы, которые мы вели с ним в короткие перерывы между боями. На фронтовых снимках Саша Космодемьянский жизнерадостный, улыбающийся, такой, каким я запомнил его, каким он навсегда остался в моей памяти.

Наше соединение осенью 1943 года стояло под Оршей. В официальных сводках Советского информбюро тогда лаконично сообщалось, что на Западном фронте продолжаются бои местного значения. Очень редко наступала здесь тишина. Почти круглые сутки гремела артиллерийская канонада, в небе, едва позволяла погода, разгорались жестокие воздушные схватки. По обстановке чувствовалось, что недалеко время, когда начнутся решающие сражения. Пока же шла разведка сил, накапливались боевые резервы.

Однажды по заданию редакции я отправился в стрелковый батальон на передний край.

За несколько километров до расположения подразделения меня обогнала колонна танков КВ. Урча могучими моторами, наземные дредноуты медленно ползли по раскисшей от непрерывных дождей дороге. На башне одной из машин я прочел короткую, как выстрел, надпись: «За Зою!»

Потом боевую машину с надписью «За Зою!» я разыскал с трудом. Люди в черных шлемах и синих комбинезонах были заняты. Одни осматривали ходовую часть, другие готовили капонир.

— Можно видеть командира экипажа? — спросил я

— Товарищ гвардии лейтенант, вас спрашивают! — крикнул сержант.

Из башни показался подвижный юноша с выбившейся из-под танкошлема темной прядью волос. Он ловко подтянулся на руках, выбросил ноги из люка и через несколько секунд был рядом. Простое, открытое, совсем юное лицо. Над большими, немного озорными глазами густые брови.

— Слушаю вас. Командир танка гвардии лейтенант Космодемьянский, — четко доложил он.

— Вы брат Зои? — вырвалось у меня.

— Да, — смущенно ответил он.

Беспрерывно лил холодный дождь. Землянки не успели вырыть, и мы спрятались под брезент, а затем перебрались в танк.

— Как в Москве, — шутливо заметил командир экипажа Космодемьянский. — Электрический свет, мягкое сиденье, в общем, комфорт.

Застенчивого и скупого на слова Сашу трудно было вызвать на разговор.

— О чем, собственно, говорить? В боях еще не были, с врагом не встречались. А ведь слава сестры на меня не распространяется, правда? Я только брат и не больше. Вот повоюем, дадим фрицу прикурить, тогда и приезжайте.

— А вы расскажите хотя бы немного о себе, о Зое, о доме, — настаивал я.

...Саша был моложе Зои на два года. Разница в возрасте не мешала им нежно дружить, вместе ходить в кино, музеи, театры. По праву старшей Зоя во многом влияла на Сашу, была требовательной и в то же время ласковой сестрой. Исполнительность и трудолюбие — вот девиз, который избрали они себе. Зоя нередко обращалась к брату за помощью. Саша отлично знал математику и не раз объяснял ей сложные задачи. Брат и сестра часто обменивались мнениями о прочитанных книгах, мечтали о будущем. Саша хотел стать инженером, Зоя — учительницей.

— А может, еще передумаю и буду художником, вроде у меня кое-что получается, — говорил он сестре.

Саша действительно прекрасно рисовал, тонко чувствовал красоту.

В школе, где учился Александр, хранится книга приказов за 1941 год. Среди многих записей значится следующая от 4 февраля: «За хорошую работу по оформлению зала и

вестибюля и за организацию выступлений учащихся на новогодних вечерах и елках объявить благодарность ученику 9 «А» класса Космодемьянскому Александру». В характеристике классная руководительница Е. Левицкая писала; «Учащийся 8 «А» класса Александр Космодемьянский учится хорошо. Общителен, любим товарищами, дисциплинирован». Энергичный, подвижный, общительный, веселый, он был верным, преданным товарищем.

Когда в мае 1941 года на собрании в школе рассматривалось его заявление о вступлении в комсомол, все, как один, голосовали за то, чтобы принять. А 20 июня того же года в Октябрьском райкоме ВЛКСМ Москвы секретарь крепко пожимал руку юноше, вручая ему комсомольский билет № 13361260.

— Я оправдаю доверие, — тихо сказал Саша.

О гибели Зои он узнал, когда ему едва исполнилось 16 лет. Тяжело переносил он эту ничем не восполнимую потерю. Зойка, его любимая сестренка, самый близкий друг, больше уже не вернется, он не услышит ее добрых советов, не услышит ее мягкого смеха, ее песен. Нет, он должен что-то предпринять! Чужие люди со всех фронтов пишут, что будут мстить за Зою, а он, ее родной брат, останется в стороне?

— На фронт, в бой, бить врага, вот где я должен быть, — не раз говорил он своим школьным друзьям

Володе Юрьеву, Юре Браудо, Николаю Неделько, Володе Титову.

— И мы с тобой, Саша, — отвечали ребята.

Друзьям хотелось быть на фронте всем вместе. В авиации один экипаж из четырех не создашь, в морском флоте тоже. А что, если в танкисты?

Они побывали на приеме у генерала в Главном автобронетанковом управлении Наркомата обороны и

вышли оттуда окрыленные. В тот же день Саша написал следующее заявление:

«В Народный комиссариат обороны СССР
Комиссару Управления бронетанковыми
военно-учебными заведениями от гр-на
Космодемьянского Александра Анатолье-
вича, паспорт IX СУ № 650307.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу направить меня в бронетанковое училище. Хочу, быть активным участником Великой Отечественной войны. Я отомщу гитлеровским воякам за смерть моей сестры Зои Космодемьянской. Я обязуюсь отлично овладеть специальностью командира тяжелого танка. Я буду честно служить своей Родине и, если понадобится, не пощажу своей жизни для полного уничтожения гитлеризма.

А.Космодемьянский.

18.IV. 1942 года».

Друзей зачислили в военное училище. Но впереди было ещё одно, пожалуй, самое серьезное испытание – что сказать дома? Любящий и ласковый сын, Саша прекрасно понимал, как горько и мучительно будет матери остаться одной. Слишком свежа еще рана от потери Зои. Какие найти слова для утешения?

— Мапочка, ты только пойми меня хорошо, — говорил он ей. — Ну, пожалуйста, успокойся и пойми. Не могу я оставаться дома. Я должен отомстить, я должен быть на фронте. Иначе, как я смогу смотреть в глаза людям!

Губы Любви Тимофеевны дрожали, и она тихо шептала:

— Ты прав, Шура. Но пойми же, ведь ты у меня один-единственный остался...

— А я обязательно вернусь. Я буду жить. Пожелай лучше мне доброго пути.

1 мая 1942 года с Казанского вокзала столицы Саша и его сверстники уезжали в Ульяновское Краснознаменное бронетанковое училище имени В. И. Ленина.

Саша впервые покидал родительское гнездо. Всею душой он чувствовал, как трудно, невыносимо тяжело матери, но сердце, сознание, ум говорили ему: «Я не могу иначе. Так надо».

Любовь Тимофеевна собралась было проводить сына, но он попросил:

— Прощаемся с тобой дома. Так будет лучше.

Мать и сын застыли в объятиях. Сколько сил стоило Саше, чтобы не выдать своего глубокого волнения! Он не проронил ни единой слезинки. Уже стоя у дверей, Саша ещё раз обернулся и, стараясь улыбнуться, сказал:

— До свидания, не скучай.

Москва была скромно одета в праздничный первомайский наряд. Война наложила суровый отпечаток на город. Лозунги и транспаранты звали к победе над врагом, к успехам на трудовом фронте, славили героев-воинов. С восхищением и уважением смотрел будущий танкист на военных, на их ордена, эмблемы на петлицах. Мысленно он видел себя в такой же форме, возмужавшим, стройным, подтянутым...

Раздался протяжный гудок паровоза. Саша уезжал в город, о котором так много слышал, в город, который дал миру великого Ленина.

«Я буду писать каждый день...» Эти слова Саша говорил матери перед отъездом в училище. И он писал.

На рассвете, поздними ночами после утомительных походов. Писал, ничего не скрывая, о каждом своем шаге, и, конечно же, главным образом об учебе, о первых днях армейской службы.

Сейчас только по этим лаконичным строчкам можно судить, как трудно давалась вначале учеба будущему танкисту, сколько настойчивости и усилий проявлял он,

чтобы не отстать от товарищей, не подвести группу, в совершенстве овладеть боевой техникой.

Любовь Тимофеевна бережно хранит большую пачку писем, полученных от сына из училища и с фронта.

Вот одно из них.

«Эх, мама, — восклицает Саша, — ничего-то я не умею! Даже ходить в строю толком не умею. Сегодня, например, отдал товарищу пятку. Командиров приветствовать тоже не умею. И меня за это по головке не гладят...»

А вот что рассказывает о первых днях военной учебы школьный друг Саши Володя Титов, с которым он вместе уехал из Москвы в училище:

«Однажды вечером, получив увольнительные, группа курсантов отправилась в город. Саша и наш школьный товарищ Николай Неделько ушли раньше. Невдалеке от центральной площади, там, где возвышается памятник Владимиру Ильичу Ленину, я, Володя Юрьев и Юра Браудо увидели двух марширующих курсантов.

— Что это за ночной парад, — шутливо заметил я.

Мы незаметно подошли ближе. Каково же было наше удивление, когда узнали своих однокашников — Сашу и Николая. Первый из них старался четко печатать шаг по квадрату, а второй тихо подавал команду.

— Ты смотри не на ноги, а впереди себя, — говорил Николай Саше. — Прислушивайся к команде. Левая нога вперед и правой рукой взмах. Вот смотри...

Несколько минут мы наблюдали за происходящим, потихонечку посмеялись, но договорились не подавать виду, что знаем о «ночном параде»...

Лучше и правдивее того, как писал о своей учёбе сам Саша, не скажешь. Поэтому приведём ещё несколько писем:

«Устаю, недосыпаю, но работаю, как зверь. Уже хорошо изучил винтовку, гранату, наган. На днях мы ездили на полигон, где стреляли из танка. Мои результаты для начала нормальные. По стрельбе из танка на дистанцию 400-500 метров из пушки и пулемёта я поразил цели на «хорошо». Ты теперь меня не узнаешь: командиров очень хорошо приветствую и в ногу хожу молодцом».

Безудержное желание быстрее попасть на фронт, сознание, что ему это крайне необходимо, придавали Саше те силы, которые помогают людям достичь поставленной цели. От письма к письму чувствовалось, как он мужает, как закаляется его характер.

«Мама, мои занятия в училище близятся к концу, скоро начинаются экзамены. Я устаю, недосыпаю, но работаю много. Сказалось, что я нахожусь в училище почти вдвое меньше, чем другие. Отстал. Экзамены эти будут самыми главными в жизни. Я напругу все свои силы, всё внимание, потому что страна должна получить хорошо подготовленного танкиста-лейтенанта... Я должен сделать всё, что смогу, чтобы быть нужнее, полезнее. Я читаю о том, как фашисты жгут наши города и сёла, как они

мучают детей и женщин, и хочу только одного – скорее на фронт...»

Почта доставляла Саше ободряющие, полные тепла слова, которые писала мать. Он по несколько раз перечитывал письма, вдумывался в каждую фразу, будто хотел выучить наизусть. К новому, 1943 году Любовь Тимофеевна сделала сыну дорогой и приятный для него подарок. В обыкновенном почтовом конверте лежала небольшая фотография. Снимок был сделан за год до войны. На нём запечатлены Зоя, Любовь Тимофеевна и Саша. На обороте снимка – материнское напутствие в жизнь, ласковый и в то же время строгий наказ: «Дорогой Шура! Учись мужеству, храбрости и стойкости у своей сестры – Героя Советского Союза Зои. Будь достойным её. Мама. Москва, 25 декабря 1942 года».

Забегая несколько вперёд, скажу, что фотография эта побывала с Сашей во всех боях. Она ходила в грозные атаки, стреляла по врагу, первой врвалась в города. Это фото было с Сашей и в его последний, смертный час...

Государственные экзамены курсант Космодемьянский сдал успешно. Обещание, данное в письме к матери, что «страна должна получить хорошо подготовленного танкиста-лейтенанта», Саша выполнил. Аттестационная комиссия присвоила ему звание лейтенанта.

Незадолго до выпуска личный состав отмечал большой праздник – 25-летие училища. Оно было награждено вторым орденом и преобразовано в гвардейское. Взмолванный стоял Александр Космодемьянский в строю. Вот знаменосец и ассистенты под звуки оркестра вынесли на широкий плац Знамя. Саша смотрел на алое полотнище с вышитым портретом Ленина, будто глядел в живые, ясные глаза самого Владимира Ильича.

Чётко повторял повторял он за начальником училища каждое слово торжественной клятвы, присягая нигде и ничем не посрамить гордое высокое звание гвардейца, честь боевого Знамени. Вот оно пред тобой завоеванное жизнями лучших сыновей красное гвардейское Знамя. Под его сенью — твоя Родина, твой народ, твоя семья. В нём история доблести твоих товарищей, память погибших, честь твоего имени...

Утром молодые лейтенанты покидали училище. А накануне Саша и его друзья решили еще раз побывать у Ильича. Вот так же, как сейчас космонавты перед своими изумительными звездными полетами приходят на Красную площадь к Мавзолею, так и в те грозные дни в далеком тылу безвестные герои приходили на центральную площадь Ульяновска, где возвышается могучая фигура Владимира Ильича. Ленин, казалось, выслушивал своих преданных сыновей, напутствовал их на ратный подвиг...

Темной ночью 21 октября 1943 года на одном из участков Западного фронта Н-ская гвардейская танковая часть с целью улучшения позиции предприняла атаку сильно укрепленного района вражеской обороны. Впереди 1-го батальона, наносившего удар на главном направлении, находился экипаж под командованием Александра

Космодемьянского. То было боевое крещение молодого офицера. Участник жестокой схватки с врагом поймет душевное состояние бойца перед атакой. В какое-то мгновение мысль стремглав промчит тебя по всему жизненному пути. Она возвратит к дням детства и юности, перенесет в разные места, к друзьям и знакомым, окунет в тома любимых книг, напомним о твоей неразлучной мечте. О многом думается перед боем, сколько бы раз в него ни вступал. Но есть одно чувство, которым заполнено все твоё существо. Это сознание долга, обязанности и ответственности перед Родиной, перед теми, кто тебя воспитал и взрастил, перед памятью тех, кто кровью своей оросил родную землю, кто пал в бою за Отечество.

...Всю ночь продолжалось сражение. Огнём и гусеницами прокладывали танкисты путь сопровождающей пехоте. Танк, на котором была надпись «За Зою!», первым достиг вражеских траншей. От метких пушечных залпов взлетали на воздух фашистские орудия. Свинцовый дождь пулемета беспощадно косил гитлеровских автоматчиков. Один за другим рушились неприятельские блиндажи. Вдруг находившаяся в засаде вражеская самоходка «фердинанд» начала извергать потоки огня на вырвавшийся вперед танк. Советская броня оказалась врагу не по зубам. Однако несколькими выстрелами гитлеровцам все же удалось серьезно повредить ходовую часть нашей машины. Гвардии лейтенант Космодемьянский принял единственно правильное решение. Вместе с наводчиком он вступил в поединок с «фердинандом», а механику-водителю и заряжающему приказал заняться ремонтом.

Цель можно было определить только по огневым вспышкам. Вот она! Саша нажал педаль. Танк содрогнулся от выстрела. Последовал второй, третий залп. Прошло несколько минут — «фердинанд» молчал и вскоре вспыхнул ярким факелом. К этому времени механик и заряжающий КВ заменили два разбитых трака, и машина снова продолжала бой.

К рассвету задача была выполнена. Стремительным ударом советские танкисты выбили гитлеровцев с занятых рубежей, уничтожив при этом более 200 фашистских солдат и офицеров и взяв многих в плен.

В донесении о проведенной ночной операции командир части писал: «...Особенно отличился экипаж тяжелого танка КВ под командованием комсомольца гвардии лейтенанта А. А. Космодемьянского. Он действовал инициативно, смело и решительно. По предварительным подсчетам, гвардейский экипаж танка А. Космодемьянского истребил до роты пехоты противника, раздавил десять блиндажей, подбил из пушки семь вражеских орудий, сжег одну самоходку. Экипаж взял в плен двадцать гитлеровцев».

Обычная фраза: «Экипаж взял в плен двадцать гитлеровцев». Но для Саши в этом был особый смысл. И вот почему. Перед ним находился не только враг, топтавший нашу землю. Это были те, кто зверски мучил, а затем казнил Зою. Да, те самые гитлеровские

солдаты и офицеры — 322-го полка 197-й немецкой пехотной дивизии, которые совершили свое неслыханное злодеяние в подмосковном селе Петрищево.

Надо же быть такому стечению обстоятельств, что именно против убийц Зои вступил в первый бой Александр Космодемьянский. «Я отмщу гитлеровским воякам за смерть моей сестры...» — писал Саша в заявлении при поступлении в училище. И он начал мстить.

Все перипетии ночной атаки Саша осмысливал, вновь и вновь перебирал в памяти. Сердце его переполнялось радостью и гордостью. Серьезный экзамен — бой — он выдержал! Счёт открыт.

Октябрь 1943 года был для Саши месяцем больших испытаний. Только-только он побывал в первом бою, встретился, что называется, лицом к лицу с врагом и вдруг — новое испытание, не менее суровое. В номере «Правды» за 24 октября были опубликованы пять фотографий, которые ошеломили, потрясли Сашу. Эти снимки нашли в кармане матерого гитлеровского офицера, сраженного пулей советского снайпера Бондарева под деревней Потапово.

Еще не читая текста, Саша сразу узнал на снимках родную, любимую Зойку. Фашисты ведут ее на казнь.

На ее груди доска с надписью: «Поджигатель домов». Вот ее последние минуты, она перед виселицей...

Слова бессильны передать чувства, охватившие Сашу. Вспомните, как у нас подступал комок к горлу, как сжимались наши кулаки, когда мы рассматривали эти страшные, ранящие душу фотографии. В таком безутешном горе вряд ли помогут сочувствие и соболезнование. Друзья-однополчане это отлично понимали, стараясь не говорить с Сашей на эту тему. Лишь по случайно услышанным отдельным фразам он чувствовал — сердца танкистов горят лютой ненавистью к врагу. Как клятва, зачитывались в подразделениях листовки, выпущенные политотделом армии. В обращении к воинам говорилось:

«Товарищи бойцы, сержанты и офицеры! Остатки фашистской дивизии, солдаты которой замучили Зою, находятся перед нашими частями... Ни один из этих палачей не имеет права на жизнь. Нет места лютым зверям на земле... Во имя нашей Родины, во имя свободы нашего народа — смерть проклятым палачам!

Отомсти, боец!»

А вскоре был новый бой. Командир танка обладал на редкость хорошим качеством — удаль, отвага и бесстрашие тесно переплетались с трезвым расчетом, риск сочетался с хладнокровием и военной хитростью. Бывали дни, когда экипаж по двое суток непрерывно находился в бою. Отдыхали только в короткие перерывы, вызванные заправкой машины горючим и пополнением боекомплекта. Случалось, что танк загорался от вражеского термитного снаряда и Саша едва успевал выпрыгнуть из моря

огня и дыма. Иногда рядом падал сраженный осколком боевой друг. На войне этого не избежать. «Ты можешь потерять в бою танк, потерять лучшего друга, близкого родного человека, но, если ты жив, если бьется твое сердце, ты не имеешь права терять присутствие духа», — так писал в своем дневнике Саша. Я несколько раз читал записи в этом небольшом блокноте в черном коленкоровом переплете. Сколько добрых, мудрых мыслей было занесено в него Сашиной рукой!

Прошло менее года после первого боя, который гвардии лейтенант Космодемьянский принял под Оршей, но как возмужал, закалился, повзрослел он за этот период!

Десятки атак, в которых ему довелось участвовать, принесли Саше славу храбрейшего бойца. Ордена Отечественной войны I и II степени украсили его грудь. К этому времени Александр Космодемьянский был уже командиром тяжелой самоходной установки. Новая боевая машина пришлась ему по душе — нравилась сильная огневая мощь, хорошая маневренность, безупречное вооружение и броневая защита.

Быстро вошел в контакт он и с новым экипажем. Это были отличные боевые ребята. Наводчик — гвардии старший сержант Виктор Аксенов, бывший челябинский рабочий; заряжающий — гвардии рядовой Митрофан Дударев, в прошлом воронежский колхозник; замковый — гвардии сержант Александр Фесиков, до войны служивший счетоводом в Алма-Ате. Каждый из них уже многое слышал и читал о Зое Космодемьянской и гордился, что служит под началом брата героини.

Никто из членов экипажа не злоупотреблял мягкостью характера своего командира. Дух внутреннего уважения и товарищества был в этом экипаже фундаментом высокой воинской дисциплины. Саша верил в каждого из своих подчиненных, мог положиться на любого. «А какими они будут в бою, как поведут себя?» — частенько задумывался он. Ведь, в конце концов, это главное. Скорее бы в наступление.

Этот долгожданный час настал. 23 июня 1944 года войска 3-го Белорусского фронта, прорвав сильно укрепленную, глубоко эшелонированную вражескую оборону, перешли в наступление.

Батарея, в состав которой входило и самоходное орудие гвардии лейтенанта Космодемьянского, отлично поддерживала наших пехотинцев и танкистов. С десантом автоматчиков его машина стремительно продвигалась вперед, первой врывается в населенные пункты. Пехотинцы зорко высматривали цели, сообщали о замеченных огневых точках командиру экипажа. Самоходчики в свою очередь прикрывали огнем атаки пехоты и танков. Благодаря четкому взаимодействию часть сумела за первые сутки преодолеть свыше двенадцати километров.

Опомнившись от внезапного удара, враг начал упорно сопротивляться, используя танковые засады. На следующий день взвод наших самоходов был контратакован пятью фашистскими танками, поддержанными артиллерией. На окраине небольшого белорусского села завязался горячий бой. Метким выстрелом Космодемьянский зажег

вражескую машину. Затем он скрытно отошел по глубокому оврагу и оказался в тылу противника. Его появление было неожиданным для врага. Несколькими выстрелами Александру удалось поджечь еще 2 танка и разбить 2 противотанковых орудия. Фашистская контратака захлебнулась. В этом бою Саша был ранен в руку. Наводчик перевязал ему рану, и самоходка продолжала вести огонь.

Ничто не может сравниться с радостью победы. И никто не может так глубоко прочувствовать это, как тот, кто добывал её в смертельном бою. «В Белоруссии настал желанный час освобождения, — писал Саша матери. — Люди встречают нас цветами, угощают молоком. Старушки со слезами рассказывают о мучениях, которые им пришлось перенести. Но все это позади. И воздух кажется особенно чистым, а солнце особенно ярким...»

Тяжёлые бои разгорелись на подступах к Орше. Враг создал вокруг города несколько оборонительных поясов, мощный огневой заслон. Ни днем, ни ночью не прекращалось здесь сражение. Во время одной ночной атаки на пригород командира батареи тяжело ранило. Саша Космодемьянский принял командование на себя. Самоходки с десантом пехоты действовали стремительно, прокладывая путь огнем и гусеницами. Саша на своей машине первым ворвался в расположение противника. Автоматчики с ходу овладели крупным опорным пунктом. А наутро радостная весть разнеслась по фронту: Орша освобождена! За отвагу и мужество командир полка представил гвардейца Космодемьянского к ордену Красного Знамени.

«Меня поздравляют, и это, конечно, очень приятно, — писал в те дни в своем дневнике Саша, — но ведь очень правильно говорят в народе: «Не смотри, что на груди, а смотри, что впереди».

А впереди предстояли нелегкие бои. Еще стонали под кованым сапогом врага земли Белоруссии, Литвы. Дальше было логово зверя, змеиное гнездо, откуда в 1941 году началось гитлеровское нашествие. Саша понимал, что, чем дальше на запад будет уходить война, тем ожесточеннее будут схватки, тем коварнее будет враг. И он готовил себя и экипаж к каждому бою, к каждой атаке, делился своим опытом с молодыми воинами.

У меня сохранилась запись беседы, которую провёл Александр Космодемьянский с пополнением. Приведу полностью его рассказ, ибо в тех примерах, о которых тогда вел речь Саша, как нельзя лучше раскрывается его тактическая зрелость и мастерство.

«Экипаж нашей тяжелой самоходки, — говорил Александр Космодемьянский, — десятки раз участвовал в боях и оборонительных и наступательных. О каждом из них не рассказать. Но я постараюсь, насколько возможно, поделиться опытом борьбы с немецкими «пантерами», находящимися в засаде. Сейчас в период нашего наступления враг особенно часто использует свои танки в засадах, и поэтому нам, самоходчикам, надо знать, как вести с ними бой.

Обычно противник выдвигает небольшие группы «пантер» на опушки леса и на окраины населенных пунктов. И это понятно — так лучше, сподручнее контролировать пути подхода, а также сдерживать продвижение наших танков и артиллерии.

Помню, как совсем недавно у одной деревушки, недалеко от Березины, группа наших танков Т-34 во время штурма населённого пункта попала под сильный огонь самоходок и танков противника, расположившихся в засаде. Местность была открытая, и наши танки представляли хорошую цель. Одна «тридцатьчетвёрка» попыталась выдвинуться на гребень высоты, но тут же была подожжена. Моему экипажу командир батареи приказал подавить огневые точки врага. Печальный урок нашего танка заставил быстро сориентироваться и найти другой путь подхода к позиции, удобной для ведения огня. По зигзагообразной лощине мы вышли во фланг противнику. Выскочив из самоходки, я пополз на бугор. Между домами увидел вражеские машины. Определив расстояние, я дал команду выдвинуть машину на высоту и открыть огонь. Первый снаряд — недолёт. Пришлось сделать поправку. Следующими тремя выстрелами «пантера» была зажжена. Мы сразу же развернулись и скрылись в лощине. Продолжая наблюдение за населённым пунктом, я заметил, что из деревни уходит фашистская самоходка. Мы вновь маневрировали, выехали на бугор и несколькими залпами уничтожили её. Лишившись двух подвижных огневых точек, противник не выдержал атак наших войск и вынужден был оставить населённый пункт.

Этот случай показывает, что советские тяжёлые самоходки играют большую роль в уничтожении немецких бронированных машин, расположенных в засаде. Мощное вооружение, маневренность, сильная броня наших СУ позволяют точно поражать врага с дальних дистанций, оставаясь неуязвимыми.

Однако прямая линия в бою не всегда самая короткая. Хотя самоходка и имеет вполне надёжную броню, но подставлять её под вражеский огонь при сближении не следует. Это первое. Нужно всегда искать скрытые подступы к позиции. Время наводки и производства выстрела при поединках должно быть предельно коротким. В таких случаях расстояние до огневых точек врага определяется исключительно глазомером. И успех, конечно, зависит от квалификации и натренированности экипажа, в особенности, наводчика.

Расскажу ещё об одном бое.

При атаке на деревню Н. нам сообщили, что там в засаде стоят немецкие тяжёлые танки. Наша самоходка находилась в это время в полутора километрах от населённого пункта в лесу. Выдвинувшись на опушку, мы открыли огонь по крайним домикам. Обнаружить врага из-за начавшихся пожаров было трудно. На этот раз мы вели огонь по предполагаемым стоянкам фашистских машин, а они могли располагаться за обратным скатом высоты и у крайних домиков и сараев.

Обстреляв домики, мы выпустили несколько снарядов и по окутанной дымом высоте.

На прицельное попадание мы особенно не надеялись, но знали, что наш огонь может вынудить противника покинуть деревню. А раз так, то вражеские «пантеры» будут лишены заранее пристрелянных целей – подступов к населённому пункту и просёлочной дороги к нему. Это даст возможность нашим танкистам и пехоте продолжать штурм. Так оно и случилось. Наши танкисты и стрелки заняли населённый пункт. Мы же зорко следили за появлением новых вражеских огневых точек уже за деревней и, открывая по ним огонь, облегчали бойцам выполнение задачи. Наши самоходные установки имеют большое преимущество перед вражескими. Обладая более мощной броней и вооружением, они являются замечательным средством борьбы и с фашистскими тяжелыми машинами. Задача каждого экипажа, сопровождающего нашу пехоту и танки, — полностью использовать эти замечательные качества советских машин».

В августе 1944 года части нашего фронта подошли вплотную к границам Пруссии. С наблюдательных пунктов уже виднелись островерхие, конусообразные крыши немецких домов. Там, за извилистой рекой Шешупой, начиналась земля врага. На топографической карте гвардии лейтенанта Космодемьянского красная стрела пролегла через голубую жилку реки и острием своим вонзилась в надпись «Ширвиндт». Сюда, в этот первый немецкий пограничный населенный пункт, был нацелен удар.

Незадолго до вторжения в Восточную Пруссию в жизни Саши Космодемьянского произошло знаменательное событие: коммунисты полка приняли его кандидатом в члены партии. Мужество, стойкость, преданность Родине, проверенные в десятках боев, были его лучшей рекомендацией. И все же он, не раз смотревший смерти в глаза, ходивший в грозные атаки, сидя на общем собрании, сильно волновался.

Партия была для него самым святым, самым светлым, самым возвышенным. Саша не любил громких фраз, никогда не произносил лозунгов. Но тот, кто внимательно наблюдал за ним, знал, что все свои моральные и физические силы он безраздельно, до конца отдавал нашему общему делу — победе над фашизмом.

И делал это Саша не из юношеской горячности, а по глубокому убеждению. В его жизни не было ни одного часа, ни одной минуты, которой бы ему надо было стыдиться. Таким чистым, духовно закаленным, скромным он и вошел в семью коммунистов.

«Меня приняли кандидатом в члены партии, — писал он в дневнике. — Это великое счастье, великое доверие быть членом организации, которую создал и выпестовал родной Ильич. За каждый свой шаг я теперь в ответе не только перед самим собой, но в первую очередь перед своими единомышленниками — коммунистами. Каждым своим движением, поступком я должен служить образцом и примером. Я никогда не устану повторять, что всем своим существованием мы, люди советские, обязаны партии...»

Эти слова были путеводной звездой всей его боевой жизни. Помню, как однажды Саша

Фесиков, ставший наводчиком, рассказал такой эпизод.

Батарея самоходных установок получила приказ скрытно с десантом пехоты пробраться в тыл противника, окружить его и уничтожить. На войне нет такого определения: легкий или тяжелый бой. Каждая боевая задача сопряжена с известным риском для жизни. И все же вылазка в тыл наиболее опасна. Командир полка, очень любивший Космодемьянского, решил не посылать на это задание его экипаж.

Узнав об этом, Саша обратился к командиру полка:

— Как я смогу смотреть людям в глаза? — спрашивал он. — Если я брат Зои, то это вовсе не означает, что меня всячески опекать надо...

И экипаж Космодемьянского участвовал в операции.

Зима 1945 года прошла для Александра, как и для его однополчан, в тяжелых наступательных боях. Атаки советских войск развертывались со все нарастающей силой. Фашисты сопротивлялись с яростью обреченных, цепляясь за каждый вершок земли. Но ничто не могло остановить порыва наших солдат. Они чувствовали, что близится окончательная расплата за боль и слезы нашего народа, за муки и унижение, за разруху и страдания. И хотя иногда экипаж сутками не вылезал из самоходки, временами попадал под огненный дождь снарядов и бомб, почти не спал, настроение у всех было приподнятое, праздничное. Победа, долгожданная, выстраданная, омытая слезами и кровью, была уже совсем рядом.

В конце марта соединение, где служил Космодемьянский, вышло к берегам Балтийского моря. Молодой офицер за смелость и находчивость, проявленные в боях, был назначен командиром батареи, ему присвоили звание «гвардии старший лейтенант».

Небольшую топографическую карту, где еще совсем недавно стрела указывала на городок Ширвиндт, сменила другая — с Кенигсбергом — столицей Восточной Пруссии, фашистской крепостью, окруженной старинными фортами и каналами.

Шел апрель. Весело журчали ручьи, щебетали птицы, и только Балтийское море оставалось суровым.

Шум его волн сливался со свистом снарядов и воем бомб. Штурм крепости начался с сильнейшей артиллерийской и авиационной подготовки. От взрывов далеко окрест дрожала земля.

Эскадры штурмовиков и пикировщиков висели над городом. В этом пекле вместе с однополчанами сражался и экипаж Александра Космодемьянского.

Мне не удалось поговорить в те жаркие дни с Сашей. Но остались документы, записи в истории части и наконец реляция к награде. Предельно скупо описаны в них подвиги Саши, однако и этого достаточно для того, чтобы представить с какой беспримерной отвагой дрался он в последних боях.

Запись первая, «6 апреля 1945 года в районе Транквиц Космодемьянский вместе с экипажем самоходной установки, используя подручные средства, под сильным артиллерийским и минометным обстрелом навел переправу через канал Ланд-Грабен шириной в 30 метров и первым форсировал водный рубеж. Огнем пушки он уничтожил артиллерийскую батарею врага, взорвал склад с боеприпасами и истребил до 60 гитлеровских солдат и офицеров.

Благодаря инициативе и решительности, проявленной гвардии старшим лейтенантом Космодемьянским, прикрывшим огнем самоходки канал, были обеспечены наведение прочного моста и последующая переправа через канал тяжелых танков и самоходной артиллерии».

Запись вторая. «8 апреля 1945 года батарея под командованием Космодемьянского, преодолевая минные поля и плотный заградительный огонь, выдвинулась на открытую позицию перед фортом Кениген Лаузен и, открыв мощный огонь по форту, первой ворвалась в расположение противника, принудив капитулировать гарнизон форта. В результате смелых и решительных действий было взято в плен 355 вражеских солдат и офицеров, захвачено 9 исправных танков, 200 автомашин и склады с горючим.

Во время штурма пригорода Кенигсберга — Иудиттена батарея Космодемьянского оказала серьезную поддержку пехотинцам Н-ской стрелковой дивизии, ведя с флангов огонь по вражеским пулеметчикам и автоматчикам, засевшим на чердаках домов.

Точными попаданиями самоходчики разбили снарядами множество каменных зданий, превращенных противником в сильно укрепленные огневые точки».

9 апреля Кенигсберг пал. Уцелевшие остатки гарнизона крепости отходили на запад. В предсмертной агонии они продолжали жестоко сопротивляться.

Запись третья. «13 апреля 1945 года батарея преследовала отступающих гитлеровцев. Горячий бой разгорелся за один из населенных пунктов на Земландском полуострове. Самоходчики под командованием Космодемьянского подбили 2 танка противника, подавили огонь 18 дзотов и истребили более 50 фашистов».

Запись четвертая. «Продолжая развивать наступление, гвардейская батарея Космодемьянского снова в бою. В условиях труднопроходимой лесисто-болотистой местности подразделение гвардейцев, взаимодействуя с пехотным полком, первым ворвалось в населенный пункт Фирбруденкруг, что северо-западнее Кенигсберга.

Гвардейские самоходки раздавили четыре вражеские противотанковые пушки. Около 40 гитлеровских автоматчиков так и не поднялись после метких выстрелов из пулемета. Более 90 солдат и офицеров противника было взято в плен».

А через несколько часов в этот роковой день 13 апреля осколок вражеского снаряда оборвал жизнь коммуниста бойца Саши Космодемьянского.

Мужеству и отваге нет забвения. Высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза — посмертно присвоила Родина-мать своему храброму сыну Александру

Анатольевичу Космодемьянскому.

Да, память о Саше Космодемьянском вечно живет в сердцах людей, в их делах. Школа имени Зои и Александра Космодемьянских в Москве. Улица Зои и Александра.

Пионерские дружины и отряды их имени. Беломраморная мемориальная доска, на которой золотом высечено: «В этой школе с 1933 года по 1941 год учился комсомолец Герой Советского Союза Александр Анатольевич Космодемьянский, геройски погибший 13 апреля 1945 года в боях за Родину».

Нельзя вырастить героев завтрашнего дня, если не помнить о героях дня вчерашнего. Вот почему так бережно, с такой любовью хранит память о своем бесстрашном солдате личный состав Советской Армии.

Приказом Министра обороны СССР от 29 декабря 1958 года Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Космодемьянский Александр Анатольевич зачислен навечно в списки 1-й роты танкового полка.

«Его беззаветная преданность социалистической Родине и верность военной присяге, — говорится в приказе министра. — должны служить примером выполнения воинского долга для всего личного состава Советской Армии и Военно-Морского Флота».

Смерти у храбрых нет. У храбрых есть только бессмертие.

Александр ФРИДЛЯНСКИЙ